

Канцлер Ван Ян лишился дяди и потерял верного человека на ключевом посту — неудивительно, что на душе у него было скверно.

Если смерть дяди и его родни была в каком-то смысле заслуженной, то префект Сун погиб лишь потому, что так было нужно. Допусти канцлер, чтобы люди из Далисы выудили из Сун Вэньчжи правду о взятках и подкупе, нити расследования неизбежно привели бы к самому Ван Яну.

Пусть именно он отдал приказ убить дядю в казематах, он считал себя жертвой обстоятельств. Лишь хладные трупы могли оборвать след, тянущийся к его креслу. И истинными виновниками гибели родных Ван Ян считал наследного принца и ту троицу, что посмела явиться на пир с обвинениями.

Принцу он ничего сделать не мог. Напротив — был вынужден отправлять в Восточный дворец подарки с извинениями и молча глотать унижение, глядя, как над его сыном потешается вся столица.

Но если он спустит это с рук тем трём выскочкам, то может смело подавать в отставку — грош цена такому канцлеру. Ван Ян велел разузнать о них всё, и как только в его руках оказались портреты, он вызвал лучших наёмных убийц.

Бросив листы на пол, он произнёс ледяным тоном: — Принесёте мне их головы. За каждую — сто золотых лянов. Но если хоть один останется жив, ваши собственные головы мне тоже не понадобятся. Можете их не хранить.

Наёмники, прихватив портреты, едва успели выехать за ворота, как путь им преградили Янь Хуай и Юньшэн. Тем временем Ван Ян, немного успокоившись, собирался разделить ложе с новоприобретённой наложницей, но тишину разорвал отчаянный стук в двери. — Господин канцлер! Господин канцлер, откройте же! — надрывался управляющий.

Едва успев скинуть халат, Ван Ян в ярости набросил его обратно. Наложница поспешно оправила платье и отворила дверь. В комнату, едва не кувырком, влетел управляющий. — Господин... там... на улице... — он хрипел, не в силах вымолвить и пары слов.

Затягивая пояс, Ван Ян помрачнел: — Что стряслось?

— Наёмники... Те люди...

— Что с ними? — терпение канцлера лопнуло. Разве они не должны быть уже далеко?

Наконец управляющий перевёл дух: — Их привели обратно!

— Что?! — Ван Ян широко раскрыл глаза. Привели? Кто посмел?!

Он уже хотел было выйти во двор, чтобы разобраться, но в этот момент в комнату с силой втолкнули первого связанного по рукам и ногам наёмника. Следом полетел второй, за ним — третий. Канцлер застыл в оцепенении: перед ним на полу, стена и извиваясь, лежали те самые убийцы, которых он только что отправил в уезд Юнчэн.

Следом в дверном проёме показались две фигуры. Они не стали заходить внутрь, остановившись на пороге.

Ван Ян, уже полностью оправившийся от неожиданности, сразу узнал их. В его взгляде промелькнула жестокая искра, но он мгновенно подавил эмоции и произнёс внешне спокойно: — Наследник Янь, телохранитель Юнь... Чем обязан такому визиту?

Янь Хуай хранил ледяное молчание. Он боялся, что если откроет рот, то не сдержится и осыплет этого старого лиса площадной бранью. За него, лучезарно улыбаясь, заговорил Юньшэн: — Да пустяки, господин канцлер. Мы с наследником Янем прогуливались неподалёку и вдруг заметили, как группа подозрительных личностей, явно маскируясь, крадётсЯ прочь от вашего поместья. Нам это показалось странным, мы их перехватили, а после допроса выяснилось, что это воры! Обокрали вашу усадьбу и пытались скрыться. Вот, решили вернуть их законному владельцу.

То были лишь вежливые слова для протокола — обе стороны прекрасно понимали, что произошло на самом деле.

Ван Ян стиснул зубы. Будучи искушённым политиком, он быстро взял себя в руки и даже выдавил подобие улыбки: — Вот оно что. Благодарю за бдительность. Поистине, вы оказали мне услугу.

— Ну что вы, пустяки, — всё так же улыбался Юньшэн. — Охранять покой граждан династии Лун — наш прямой долг.

Он скользнул взглядом по наёмникам и добавил: — Однако вам стоит усилить охрану поместья. Подумать только: канцлера обчистили среди бела дня! Пойдут слухи — люди засмеют. Если подобное повторится, мы доставим воров уже не к вам, а напрямик в управление столичного префекта.

Ван Ян кивнул: — Справедливое замечание. Я непременно позабочусь о безопасности.

— В таком случае, мы откланяемся. Его Высочество ждёт нашего доклада.

Канцлер велел дрожащему от страха управляющему проводить гостей. Как только их спины скрылись из виду, маска спокойствия сорвалась с его лица, открыв взору искажённую злобой

гримасу. — Хорошо... Очень хорошо!

В неопишемом гневе он одним движением смахнул со стола чайный прибор. Оперевшись руками о столешницу, он тяжело дышал, а его глаза налились кровью. Красавица-наложница, жвавшись в угол, дрожала всем телом. — Господин... господин...

Тем временем Янь Хуай и Юньшэн направлялись к императорскому дворцу. Наследник Янь наконец-то смог выдохнуть: — Поверить не могу, что Его Высочество всё предвидел. Канцлер и впрямь решил поквитаться с теми бедняками. Если бы не ты, я бы точно сорвался и высказал этому старику всё, что о нём думаю.

Юньшэн рассмеялся: — Вы, наследник Янь, слишком прямодушны и не терпите зла. Принц знал, что в вашем присутствии канцлер не посмеет буйствовать, потому и просил вас составить мне компанию.

Едва из Далисы пришли вести о смерти семьи Ванов и префекта Суна, Чу Юй выделил Юньшэну отряд гвардейцев и велел следить за поместьем канцлера. Стоило подозрительным личностям покинуть ворота, как их тут же перехватили. Чу Юй знал: Ван Ян не удержится от мести, и оказался прав.

Нужно было лишь пресечь это дело тихо, без лишнего шума. После такого предупреждения канцлер не рискнёт посылать новых убийц в уезд Юнчэн, чтобы не давать принцу лишних козырей.

Дрожало пламя свечи, знаменуя приход Нового года. Отужинав с семьёй наставника, Ци Линьси получил приглашение от госпожи Ци прогуляться вместе с ними. Она звала его посмотреть на танец львов, полюбоваться фейерверками, запустить фонарики в ночное небо и побродить по шумным лавкам.

Линьси и сам был бы рад развеяться, но он понимал: такая прогулка отнимет пол-ночи, а завтра из-за усталости он проспит до полудня. Скоро откроется академия, а там и уездные экзамены не за горами. Провалит их — и путь к вершинам власти будет заказан. Стиснув зубы, он отказался, сославшись на то, что хочет ещё поучиться и присмотреть за домом.

Госпожа Ци лишь покачала головой, восхищаясь его стойкостью. Она уже не сомневалась: этого юношу ждёт великое будущее.

Хуай Сююн, довольный таким рвением, кивнул: — Что ж, оставайся, грызи гранит науки. И налегай на каллиграфию. Твои каракули...

Он запнулся, подбирая слова, и наконец выдал: — Если насыпать на землю зерна, курица и та наклюёт знаки покрасивее твоих.

— Ученик всё понял, — смиренно отозвался Линьси. — Я буду практиковаться со всем тщанием.

Когда семья наставника ушла, Цзи Линьси вернулся в свою комнату. Зажёг свечу, набросил на плечи халат и разложил на столе прописи. Он погрузился в работу, раз за разом выводя иероглифы.

Каллиграфия давалась ему куда тяжелее чтения. Зимний ветер пробирался в щели, и Линьси приходилось изо всех сил сжимать кисть, чтобы пальцы не дрожали. Стоило руке дрогнуть — и знак был испорчен. Он стискивал зубы и придерживал правую руку за запястье, выводя каждую черту. Высоко в небе сияла луна; он нарочно не закрывал окно, чтобы холодный воздух прояснял рассудок. Линьси и не заметил, как тело его начало неметь от стужи. В какой-то миг он поднял голову и обнаружил, что мир вокруг преобразился.

За окном исчез заснеженный дворик. Теперь перед ним раскинулось роскошное поместье с изящными беседками и садом камней. Вдоль крытых галерей висели колокольчики, тихо перезванивая на ветру. Сам он сидел не в тесной каморке, а в просторных покоях. Линьси опустил взгляд и замер: на нём был алый халат чжуанюаня, а на голове — почётный венец.

— Супруг Си... — донёсся сзади нежный, чарующий голос.

Линьси обернулся. Его прекрасный принц стоял совсем рядом — черные волосы, кожа блее снега, а в глазах, напоминающих лепестки персика, светилась бесконечная нежность. Возле него не было никого лишнего: ни вредного старика-евнуха, ни этого выскочки-наследника. В медовых зрачках принца отражался лишь он один — Цзи Линьси.

— Я так долго тебя ждал.

— Я всегда ждал лишь тебя.

— Наконец ты стал лучшим из лучших и пришёл ко мне.

— Я... я пришёл, — Линьси, пошатываясь, шагнул к любимому. Шаги его становились всё быстрее, и последние метры он почти пробежал, заключая принца в объятия. — Я сдал экзамен... Я нашёл тебя!

— Я знал, что ты обязательно придёшь, супруг Си.

— Конечно, я бы пришёл, — шептал он в экстазе. Линьси не заметил, что в этом видении его руки стали гладкими и чистыми. Он ласкал лицо принца, не в силах отвести взгляда от его

нежных губ. С глупой, блаженной улыбкой он приник к ним в поцелуе.

«Я ведь пришёл именно ради тебя»

Глухой удар — тяжёлое тело рухнуло на пол.

Утро. Тонкий луч солнца пробился сквозь окно.

Цзи Линьси открыл глаза в лучах света, чувствуя во всём теле странную, свинцовую тяжесть. Рядом раздался встревоженный голос: — Линьси, мальчик мой, ты очнулся? Как ты себя чувствуешь?

Юноше потребовалось время, чтобы прийти в себя. Он с трудом разомкнул пересохшие губы: — Кажется... всё хорошо.

— Какое там «хорошо», идиот! — над самым ухом прогремел яростный окрик.

Наставник истории Хуай Сююн был вне себя от гнева: — Заставил его писать, так он чуть богу душу не отдал над этими бумагами! «Хорошо» ему! Вернись мы чуть позже — сегодня бы уже заказывали поминальную службу!

От бушующего учителя Линьси узнал, что ночью он потерял сознание от переохлаждения. К счастью, семья вернулась раньше обычного. Заметив, что в его комнате горит свет, а окно распахнуто, учитель решил заглянуть. Он нашёл Линьси на полу: юноша был едва жив, но на его лице застыло выражение глубочайшего, почти неземного блаженства.

Ещё бы немного — и он и впрямь отправился бы в столицу к своему принцу, но уже в облике призрака.

<http://bllate.org/book/15344/1411176>